

Моск. Комсомолец. - 1996. - 6 июля. - с. 2

— Что привело вас на сцену? Мальчишеская мечта или это наследственное?

— Мое актерское становление складывалось как-то непутево. Еще будучи школьником, я частенько участвовал в самодеятельных номерах. По демобилизации из рядов Военно-Морского Флота хотел поступать в театральное, да отговорили. Поступил в Бауманское, и в 1962 году страна получила новоиспеченного инженера-механика по котельным установкам.

Позже стал начальником и руководил поставкой паро-водозапорной аппаратуры на всевозможные нефтехимические предприятия. Наряду с основной работой принимал участие и в самодеятельности. Что в конце концов привело меня на улицу Герцена в театр-студию МГУ под названием "Окно". Слава нашей студии была такой, что сопоставима она была разве что со славой Театра на Таганке. Какие великоколенные мастера сцены и режиссуры собрались тогда: Александр Филиппенко, Геннадий Хазанов, Михаил Филиппов, Александр Карпов, Марк Розовский, Илья Рутберг! Спектакли ставили по произведениям Хайта, Курляндского, Горина и Арканова. Через четыре года я стал уже директором студии, причем сочетал руководство с игрой на сцене. Но однажды нашу студию решили закрыть, объясняя это тем, что мы уже стали мастерами сцены и в молодежной студии нам теперь делать нечего. Но на самом деле все выглядело немного иначе. Просто наши постановки не проходили по идеологическим меркам того времени.

— Как складывалась ваша дальнейшая судьба?

— После закрытия студии многих из нас пригласили в Москонцерт. Только вот попал я в эту организацию благодаря тому, что в 1969 году стал дипломантом конкурса эстрадных артистов. Получив паспорт артиста, своей основной работы я все равно не бросил и продолжал совмещать полезное с интересным. Но когда меня стали приглашать на съемки в кино — да еще поездки с Москонцертом, да еще основная работа, — то мне, конечно, пришлось выбирать. А тут еще и приглашение от Юрия Любимова. И я выбрал театр, где и работаю на протяжении 24 лет.

— Ну а как же родители отнеслись к перемене рабочих мест?

— Папа у меня умер рано. Вся тяжесть воспитания меня и сестры легла на плечи моей мамы. Ох, как она была рада, когда я поступил и закончил Бауманский! До сих пор помню ее наказы: "Сема, наше государство тебя выучило, ты стал хорошим инженером, так что давай относишься к работе серьезно". Но когда меня начало наклонять в сторону театра, она очень огорчилась: "Я думала, ты будешь путевым человеком, хорошим специалистом, а тут вдруг решил стать каким-то артистом. Ну как же так, Сема?" Хотя сама была великолепной актрисой (хотя и работала фармацевтом). Как она пела, как она танцевала! У нее было такое чувство юмора, что окружавшие ее люди постоянно улыбались. Да и сама она была очень смешливая.

Все ее претензии ко мне кончились только тогда, когда она увидела меня на сцене театра. Когда она услышала, как на меня реагируют зрители, она просто сдалась. Мама часто ходила на мои спектакли и периодически выдавала мне дельные советы: "Сема, роль твоя не самая главная, ты не выходи вперед и не кланяйся, а стой сзади и там кланяйся". Вот такая была у меня мама. Так что наследственность, конечно, сказала свое слово, и я сделал свой окончательный выбор.

— Значит, не случайно вы стали комедийным актером?

— Почему-то именно кинематограф взял такую линию, что я должен непременно играть в комедии.

— Почему же так получается?

— Ну, я как-то сразу объяснить это не могу. Бывает, смотрю на себя из зала и думаю: ну что же это за человек такой непутевый, какой он на экране — такой, наверное, и в жизни. Но всегда

мои роли были добрые — ведь ни одной злой я так и не сыграл.

Серьезные же роли в кино — ну, это прежде всего роль доброго портного из фильма "Попугай, говорящий на идиш". Ну а основные серьезные роли я получаю, как правило, в театре. Да у нас там в общем-то и нет разделения на комиков и трагиков. Сегодня ты играешь одну роль, а завтра — совершенно противополо-

феозом своей работы считаю небольшую роль, которую я сыграл в фильме "Мой друг Иван Лапшин". Вот тут я впервые почувствовал, какой бывает режиссер-кинорежиссер. Алексей Герман своей работой меня просто потряс. От времени, которое я провел на съемочной площадке, я был просто в восторге.

— Доводилось ли вам сыграть роль не в кино, а в жизни?

мы вроде не контрабандисты, чего нас проверять, но проводник был неумолим. В пять утра двери нашего купе отворились, и перед нами предстал таможенник. "Документы, наркотики, оружие и валюта", — грозно проворчал таможенник. Я ему из-под одеяла: "Да нам вроде ничего не надо, ты нам два чая принеси". А он в ответ: "Ну ты артист". Я ему так и сказал, что действительно — артист. "Ну ты, Сэмэн, даешь,

веселенький. В фильме "Резидент" я должен был продавать на Центральном рынке с лотка сухофрукты. А так как этим делом на рынках в основном промышляли южане, то мне предложили одеться соответственно, чтобы на рынке я сошел за своего и был бы похож на кавказца. А хозяин, чьи это были сухофрукты, так хотел попасть в кадр, что даже простил мне, что я потихоньку уминал его товар. Это была курага. И такая она была чистая и вкусная, что съел я почти половину лотка. Я ел и смотрел на него: ну что же он мне скажет, будет ли он протестовать? Видя недоуменное лицо продавца кураги и меня — уверенного, уминающего курагу, — вся наша группа просто рыдала от смеха.

— У вас есть враги и недоброжелатели?

— Не могу сказать, что это враги или недоброжелатели. В основном это мои некоторые коллеги, недовольные тем, что я снимаюсь в рекламе. "Да зачем тебе это, тебе что, не хватает, что ли?" Я считаю, что они по большому счету ошибаются. Они не понимают или не хотят понять, что когда я соглашаюсь на рекламу, я не рекламирую — я играю актерскую роль.

Этого мне простить и не могут. Считаю, что я популист, что это нехудожественно и плохо пахнет. К счастью, таких людей мало.

— Как вы смотрите в свой завтрашний день, не грозит ли вам безработица?

— Я хочу продолжать свою работу в театре. Любимов предложил мне хорошую роль в "Подростках", но поскольку я был не очень здоров, то эту роль не принял. Но я знаю, что он рассчитывает на меня, — буду надеяться и ждать.

— Кстати, а как сейчас обстановка в театре?

— Нормальная рабочая обстановка. Театр, возглавляемый Любимовым, живет сейчас в основном премьерами. Несмотря на свой возраст, он делает все, чтобы театр жил нормальной творческой жизнью. А все конфликты остались где-то там. Сейчас пришла талантливая молодежь, и с этой свежей волной будем больше думать о своей работе.

— У вас сейчас перерыв в театральной работе. Есть ли интересные предложения в кино?

— Предложения-то есть. Однако говорить сейчас о них преждевременно, как говорят, это плохая примета.

— Роли опять предстоят комедийные?

— Да, в основном. Правда, вот Олейников приглашает меня на серьезную роль. Попробую себя в роли судебного исполнителя в детективном сериале.

— Ну и, отвлекаясь от нашей темы, — чем вы занимаетесь в свободное время, есть ли у вас любимые занятия?

— Играю в футбол. В данный момент выступаю за ЦСКА — Центральный спортивный клуб актеров — в команде ветеранов. Выступаем в Питере на международных соревнованиях на приз мэра города А.Собчака. За три года участия в этих турнирах наша команда добилась значительного прогресса. В первый год взяли бронзу, второй принес серебро, и вот наконец, в прошлом году завоевали золото. А поскольку наша профессия является, так сказать, мыльной, то своей главной затеей свободного времени считаю баньку.

— Ну а в баньке что-нибудь спиртное можно?

— Да что вы. Только чай с травками можно, минералки или кваску. Баня и спиртное — это вещи друг другу противопоказанные. Это пусть в бане пьют те, у кого здоровье девать некуда. Я как-нибудь обойдусь. Нет, выпить, конечно, можно, но только не в бане. За чем осквернять баню, баня — это святое.

Игорь СОЛОДОВ.
Фото Андрея СТРУНИНА.

ЧЕЛОВЕК МЫЛЬНОЙ ПРОФЕССИИ

СЕМЕН ФАРАДА: "В РОССИИ Я СТАЛ ИТАЛЬЯНСКИМ АКТЕРОМ"

Каждое его появление на сцене и в кино мы воспринимаем как нечто необходимое для собственной улыбки. Его лицо — это визитная карточка, за которой скрывается его душевная радость и боль. Встретил меня Семен Львович на пороге своей скромной, совсем не по-современному обставленной квартире. В которой еще сохранилась та уютная обстановка, служившая его предкам: — Проходи, располагайся. Ты не возражаешь, если я своего волкодава к нам в комнату запущу? А то ведь он взперти и своим лаем мешать только будет. Ну что же, я ведь в гостях и возражать, конечно, не стал. Одно меня беспокоило: что же это за волкодав? Через мгновение на пороге комнаты появилась шикарная овчарка и всем своим видом дала нам понять, что можно начинать разговор. Она медленно опустилась на свое место и начала слушать.

ную. А то, что в кино я постоянно играю в комедиях, меня абсолютно не смущает. Во-первых, я, как правило, снимался у хороших мастеров экрана — Рязанова, Захарова, — а во-вторых, в сильных командах с отличными актерами.

— Сейчас особенно видно, насколько упало качество современных комедий. Бывали ли в вашей карьере провальные фильмы?

— Конечно, были. Если бы мне сейчас предложили сняться в фильмах "Русский бизнес" и "Русское чудо", я бы культурно отказался.

Эти фильмы не то что бы провальные — они просто слабые. Эти фильмы — погоня за временными нашими проблемами. И я от них, конечно же, не в восторге.

Вот совсем недавно мне предложили сняться в отечественном сериале. Я как прочитал этот сценарий, был просто в шоке. Мне ничего не оставалось делать, как отказаться. По фильму я должен сидеть со слуховым аппаратом и постоянно повторять: "Ась, ась?"

— У кого вам больше всего понравилось сниматься?

— Очень много хороших, знаменитых и менее знаменитых режиссеров приглашали меня на съемки. Но апо-

— Конечно, доводилось. Но играл я тогда, когда меня не узнавали, потом же это стало плохо проходить. Сейчас народ уже не проводит. Но один раз все-таки пришлось. Как-то раз я вместе с актерами нашего театра выступал перед большой аудиторией студентов.

А общение с ними ой какое нелегкое! Короче говоря, надоело им выслушивать, как поют и рассказывают стихи актеры Театра на Таганке. Они просто начали свистеть, а к этому времени и мне на сцену выходить. Я еще и рот не открыл, а они свистят. Я решил как-то принять их правила и поиграть с ними. Смотрю, ребяташки поугомонились и потом начали уже волноваться: мы, мол, зачинщика уже выгнали, а вы все не начинаете. Да мы, мол, любим вас, и простите нас, больше не будем. Ну я им и выдал: "Ребятки, я ведь начинаю после второго свиста". Они в свист и в аплодисменты.

— Я слышал, с вами приключилась смешная история во время недавней поездки в Одессу?

— Да, это было. Ехали мы с Сергеем Газаровым на съемки в Одессу. Поезд был ночной, и поэтому грозный проводник предупредил нас: "Вы тут не засиживайтесь, в 5 утра таможня". Ну

так не уважать таможню". Но через полчаса он вернулся со спиртным и угощениями и был очень доволен нашим розыгрышем.

— Не случались ли с вами на съемках непредвиденные моменты?

— Бывало. Снимался я у Владимира Бортко в картине "Голос в Ленинграде".

По сценарию я должен был рунуть в яму, наполненную водой. Буквально два-три дубля в резиновых сапогах и легком водолазном костюме. Но они не рассчитали — под водой оказалась глина. И вот я рунул туда, все ржут чуть ли не до слез, да и сам я смеялся, пока не понял, что меня начинают засасывать. Тут мне стало совсем не до смеха. Ведь чувствовал я в тот момент, что медленно, но верно погружаюсь. Хорошо тут крановщик не растерялся и выдернул меня из этой бездны. Сапожки и некоторые элементы своего гардероба все-таки пришлось оставить в этой тряпине. В таких случаях по нынешнему театральному кодексу полагается спиртное. Кому для растирания, а кому вовнутрь. Я выбрал второе.

Припоминаю еще один эпизод, не то чтобы непредвиденный, но все-таки